

Волк

рассказ

Метель разыгралась не на шутку. Ветер завывал, вздыхал и охал. Бросал горстями снег в лицо путнику. Нападал на того то слева, то с другого бока, то толкал его в спину, а потом упирался в грудь, пытаясь остановить, как бы говоря: «Ну, что ты? Куда бредёшь в такую погоду? Пстой, а лучше ляг – отдохни. Поспи. Ведь устал...»

Но мужчина прекрасно знал, что останавливаться нельзя, ни в коем случае. Остановишься. Расслабишься. Присядешь передохнуть, да нет, даже не передохнуть, а лишь – отдышаться, перевести дух... Моргнёшь пару раз и не заметишь, как сознание отключится, и ты погрузишься в глубокий сон, из которого уже не сможешь вернуться. А при такой метели снегом закидает в два счёта. «Не останавливаться! Только вперёд! Тем более, по моим подсчётам избушка должна быть где-то совсем рядом. Если я, конечно, не сбился с пути... А при такой круговерти это не мудрено. А если сбился, то дело скверное... Нет. Не думать об этом. Я иду правильно...»

Метель длилась уже несколько часов и, похоже, прекращаться не собиралась, а даже наоборот усиливалась.

Виктор начал жалеть, что не послушался деревенских старожиллов, которые предупреждали его, когда узнали, что он собирается дойти до избушки лесника, о надвигающейся буре.

Думал, что успеет. Проскочит. Тем более, что на небе были редкие облака, которые совсем не перекрывали солнце. Какая тут метель? Когда она ещё начнётся! Надеялся на русское «авось». Но ветер усиливался, и картинка над головой менялась каждое мгновение – облака подтягивались и сгущались над населённым пунктом.

Не успел мужчина пройти и половину пути, как его настиг самый настоящий ураган. Хлопья снега залепляли глаза, забирались в ноздри. Виктор вытянул вперёд руку и не увидел перчатку, надетую на неё.

Только что светило солнце, а теперь сплошное белое марево и свет начинает гаснуть, как в театре после третьего звонка.

Шаги путника замедлились – передвигаться пришлось на ощупь, ступая неторопливо, словно по болоту.

Виктор окончил техникум лесного хозяйства, и девять лет проработал в соседней области. Стал настоящим специалистом своего дела. А дело он любил и слыл хорошим лесничим, даже не хорошим, а – лучшим, судя по межобластному конкурсу между

лесными хозяйствами, который проводили два года назад, где Виктор Степанович занял первое место. Он был награждён грамотой и главным призом – новым автомобилем УАЗ, очень необходимым для преодоления больших пространств по бездорожью.

Про Виктора Степановича Иволгина написали в газетах и рассказали по центральному телевидению.

Лет ему было тридцать, но он носил усы и бороду и поэтому казался гораздо старше.

После того как Иволгина показали по телевизору, не только молодёжь, но и старшие из близлежащих деревень величать его стали уважительно – по имени отчеству.

А тут как раз лесничий из соседней области уходил на заслуженный отдых и Виктору предложили возглавить его хозяйство, которое было раза в два больше. Может быть, он и не согласился бы, но уж очень его уговаривал представитель из администрации, с которым они вместе учились. Иволгин решил доехать посмотреть, что, да как, а уж потом принимать окончательное решение.

Виктору нравилась российская природа – такая многоликая, от разнообразия которой он никогда не уставал. Да и как здесь устанешь, когда вокруг столько много интересного. Словно смотришь спектакль, именно спектакль, а не кино, где всё записано и ничего уже не изменишь. А здесь всё в «живую» и ты не зритель, а участник этой постановки – ведь можно смотреть на дождь из дома через окно, а можно выйти под струи и намочнуть или снегом не просто любоваться, а берёшь в руки и лепишь разные фигуры. И времена года хоть и повторяются с завидным упорством, но, ни один год не похож на предыдущий. Прошлую осень словно прорвало – заливала, почти не переставая вплоть до самой зимы. А зима случилась морозная, но совершенно без снега. А эта осень наоборот – тихая, спокойная, сухая. Такую пору называют золотая. А зима выдалась и морозная, и ветреная, и снегом заваливает так, что дороги расчищать не успевают – долгая, затяжная, холодная, утомительная зима и не только для людей, но и для всякой живности, какая по лесам, полям, лугам обитает.

Неожиданно путник зацепился за какую-то корягу и грохнулся в сугроб.

И сразу силы куда-то улетучились – усталость брала своё.

«Только не спать! Надо подниматься», – уговаривал сам себя лесничий. – «Во что бы то ни стало – собраться и встать, иначе – погибель».

Он зашевелился, приподнял голову, и взгляд его упёрся в оскал звериной пасти.

«Волки!» – тяжело дыша, устало подумал мужчина, закрывая глаза, – «Вот и погибель, а у меня и ружья нет – только нож. Сейчас набросятся...»

Но прошло несколько секунд и никакого движения. «Может, почудилось?» – Виктор открыл глаза. Зверей не было. «Пригрезилось. Да в такую погоду волки и не охотятся – не на кого – всё живое попряталось по норкам, щелям, дуплам – выжидают».

Иволгин заворочался, вставая, и вновь увидел волчью голову, но всего пару секунд и она пропала.

«Что-то здесь не то. Странно как-то».

Иллюстрация к рассказу «Волк» – Е. Рамсдорф (Германия)

Путник поднялся на ноги, вынул нож, приготовившись к бою и склонившись над землей, пристально стал всматриваться, насколько позволяли белые хлопья, в сугроб перед собой.

То, что он поначалу принял за ветку, когда споткнулся и упал, оказалось задней лапой волка. Да и сугроб – это волк, лежащий на боку заваленный снегом. Сквозь снег в нескольких местах проступали бурые пятна.

Зверь был ранен, потерял много крови, поэтому огрызался слабо и тем более не нападал. Присмотревшись повнимательнее Виктор понял, что это не матёрый волчище, а ещё маленький волчонок – подросток.

Видно стая попала в переделку – нарвалась на охотников или браконьеров, а тут метель обрушилась, и подстреленный волчонок отстал от родителей, заблудился и обессиленный рухнул, истекая кровью.

«Ну что ж – это естественный отбор – закон природы – выживает сильнейший», – подумал мужчина и шагнул в сторону, решив продолжить путь.

Но что-то его остановило.

Он повернул голову и пристально посмотрел на грозного зверя, а в данный момент – на беззащитное, уязвимое существо, умирающее в самом расцвете сил.

«Всё-таки это не правильно. Когда олень или лось раздирает бок волку, или он замерзает от лютого мороза – это естественный отбор, а здесь какая-то несправедливость. Разрешения на отстрел волков не могло быть ввиду того, что их численность в последнее время резко сократилась, а стрелять ради забавы – это жестоко.

Так просторно вокруг, но мы почему-то столкнулись именно в этой точке. Может быть неспроста? Может это какой-то знак?

Да неважно это всё. Если брошу его здесь, то потом себе не прошу. Во сне будет сниться. Он хоть и звериный, но всё-таки детёныш».

Лесник наклонился и приблизился к морде волка. Но тот уже не вскинул голову, только искоса посмотрел на нависшую над ним фигуру и приподнял верхнюю губу, обнажая клыки. Пару раз моргнул и закрыл глаза.

Виктору показалось, что он заметил скатившуюся слезу.

«Да, ну, не может быть. Привиделось».

Зверь имел серый, а местами – вдоль спины даже иссиня-чёрный окрас и лишь между глаз и дальше, чуть выше бровей виднелось не ровное белое пятно в виде треугольника.

Скинув со спины рюкзак, путник достал из него приличных размеров брезент, перевалил на него раненого, убрал нож, закинул рюкзак обратно и, взявшись за углы, потащил детёныша.

Волк – молодой – не очень тяжелый, да и снега навалило так, что все ямки и кочки сгладились, и поэтому тащить было не очень тяжело и как оказалось не слишком долго – шагов через сто мужчина вышел к домику лесника.

На стук в дверь на крыльце появился хоть и пожилой, но довольно крепкий с виду, высокий мужчина с накинутым на плечи тулупом. Он был без шапки и его седые, совсем не постариковски, густые волосы путались на ветру. Всю нижнюю часть лица покрывала борода с проседью, на носу взгромоздились очки в большой оправе, сквозь стёкла которых на прищельца смотрели внимательные с прищуром глаза.

– Здравствуйте, – приветствовал Иволгин хозяина дома.

– Вечер добрый, несмотря на непогоду. Видать смена моя пришла? Лесничий?

– Ну, это я ещё не решил. Приехал осмотреться.

– Ничего. Вот метель закончится – повожу вас пару дней – покажу лесное хозяйство. В два дня аккуратно уложимся, а там решайте. Меня – Панкрат Трофимович кличут. Да, что мы в дверях стоим, проходите в избу – погрейтесь. А я сейчас ужин организую.

– Меня – Виктор Степанович зовут. Только я не один. Тут недалеко кто-то волчонка подстрелил. Маленький совсем. Жаль мне его стало, вот я его и притащил сюда.

– Ну, ты, Виктор Степанович, даёшь. Не зря видать первое место занял – хозяйственный ты мужик. Если вырвать его сейчас из лап смерти, дать окрепнуть, то вскоре он начнёт нападать на домашний скот, а возможно и людей. Хотя не обязательно.

Ну, что ж, пойдём, поглядим, – вдевая руки в рукава тулупа, закрыв дверь и спускаясь по ступенькам, проговорил Панкрат Трофимович.

Они вдвоём занесли брезент на небольшую веранду.

Волк находился в бессознательном состоянии, дышал прерывисто.

Хозяин дома осмотрел раны и констатировал;

– Три пулевых ранения: в шею навывлет, в лапу, кость вроде бы не задета, и бок распорол по касательной. Видать много крови потерял, пока спасался.

Мужчины обработали раны йодом, наложили бинты и сделали повязки. Волчонок в себя пока не пришёл, поэтому не мешал своим спасателям. Его оставили на веранде, закрыв дверь.

Ночь прошла спокойно. Ветер перед рассветом затих, метель угомонилась.

Ранним утром Виктор взял несколько кусочков мяса, налил в миску воды и зашёл проведать своего подопечного.

Из угла раздавалось ворчание. Раненный зашевелился, пытаясь подняться, но это ему не удалось, тогда он оскалил зубы, обнажая

клыки, и зарычал более грозно. Весь его вид говорил – не подходи ко мне, иначе я не посмотрю, что ты меня спутал какими-то белыми лентами, просто так без боя не сдамся, изловчусь и загрызу.

Мужчина дошёл до середины помещения и, чтобы не раздражать зверя, поставил миски на пол.

Волк перестал рычать – наверное, выдохся и устал. Он лежал на боку и его жёлтые глаза внимательно наблюдали за действиями человека, а тот пошёл к двери – замер и не двигался.

Ноздри лежащего на полу усиленно раздувались. Он старательно принюхивался, пытаясь понять обстановку. Угрозой вроде бы не пахло, зато очень аппетитно распространялся запах мяса с кровью.

Человек шевельнулся, открывая дверь, и волк моментально дёрнулся, обнажил верхние зубы и зарычал.

Весь день Панкрат Трофимович возил и водил Иволгина, показывая свою вотчину – лесные уголья.

Тут кабанья тропа проходит, здесь он лосей подкармливает, там наделал кормушки и подружился с семейством белок, а два года назад наткнулся на логово волков.

— Смотри, Виктор Степанович, какие здесь просторы. Это лесничество в два-три раза больше твоего. Есть где развернуться. Ты учти – желающих много, а предложили тебе. Считай, что идёшь на повышение. Откажешься – второй раз не предложат. Так что долго думать некогда – принимай какое-нибудь решение. Я бы сам не уходил, да возраст – мне семьдесят лет, восьмой десяток пошёл. Уставать стал, и ноги сильно разболелись – в больницу ложусь. А лесничий – это, ну ты сам прекрасно знаешь – пешие переходы по подопечному участку. Как говорится, я тебя не агитирую за Советскую власть. Ты сам всё увидел. Взвесь всё хорошенько и подумай.

Вернулись они глубоко затемно.

Виктор решил посмотреть, как там волчонок. Открыл дверь веранды, и включил свет и сразу услышал предупреждающее рычание. Зверь лежал на животе, положив голову на передние лапы и смотрел на вошедшего, обнажив клыки. Подняться он не смог – сказывалось ранение. Одно радовало – обе миски были пусты, значит, дело идёт на поправку.

Мужчина не стал раздражать животное – подходить ближе и забирать пустые миски, а вышел и взял у Трофимовича другие, куда опять положил мясо и налил воды.

Решение созрело окончательно. Он – остаётся. Подопечного своего надо вылечить и дать ему окрепнуть.

Через несколько дней формальности были утрясены. Трофимович уехал готовиться ложиться в больницу, а Иволгин приступил к своим обязанностям.

Волчонку становилось лучше – он набирался сил. Уже вставал на лапы – хоть и прихрамывал, но передвигался по комнате.

На Виктора рычать перестал, ведь ничего плохого он ему не делал, а наоборот – кормил, но близко к себе всё равно не подпускал.

Спустя три недели в природе произошли изменения – солнце более щедро стало одаривать землю теплом. В воздухе появились новые запахи. Птицы носились и весело щебетали. По всем признакам зима сдавала свои позиции, и уступало место весне.

Волк почувствовал происходящие изменения, стал волноваться, ходить из угла в угол и выть.

— Ты прав, дружище, – согласился лесник, – здоровье мы с тобой поправили. Тебе пора к своим.

Виктор открыл настежь веранду, затем входную дверь и вышел из дома, стал поодаль. Минут пять ничего не происходило, потом в проёме двери показалась волчья морда. Зверь внимательно осмотрел окружающее пространство, принохиваясь. Не заметив никакой опасности, волчонок, прихрамывая, засеменил в чащу леса, оглядываясь по сторонам. Вскоре он скрылся за деревьями, и мужчина потерял его из виду. «Вот и всё. И никакой тебе благодарности», – с грустью подумал Виктор Степанович.

Привык он к нему – привязался к живому существу.

Жизнь пошла своим чередом.

Зима сменилась весной – радость для всякой живности. Потом – буйство красок – лето, плавно перешедшее в тихую, сухую, плодоносящую совсем не дождливую осень.

В каждой поре есть какие-то свои, щемящие душу, нотки, звуки, краски, запахи...

Любил Иволгин побродить по лесу с карабином за спиной, полюбоваться каждый раз новым спектаклем, который ставила природа. Охотиться ему не нравилось, а оружие брал с собой так, на всякий случай – ведь всё-таки лес, а тут разное зверьё бродит и не только четырёхлапое.

Глядя на окружающие красоты, стал Виктор Степанович поэтом – проснулся в нём, дремавший долгое время, дух творчества. Ну, поэтом – это может быть громко сказано, а стихи из-под его пера выходили душевные, мелодичные. Он часто печатался в областной газете «Смена», а недавно его подборку стихотворений взяли в межрегиональный вестник «Лесное хозяйство».

Для полноты счастья только спутницу жизни осталось обрести. Да где же такую найти, чтобы согласилась жить, хоть и с

милым, но в лесной глуши. Хотя почему в глуши? Ему в деревне выделили дом, обещали помочь с ремонтом. Хоть ему и пошёл четвёртый десяток, но мужчина он крепкий, большей частью проводит дни на свежем воздухе, так что не всё потеряно – найдёт свою единственную и неповторимую.

Его размышления прервал резкий короткий звук и почти сразу – второй.

«Стреляют. И совсем близко. А ведь сезон охоты ещё не открыт», – Виктор забросил за спину поудобнее карабин и быстрыми шагами, на сколько это было возможно среди кустов и деревьев, направился в том направлении, откуда услышал выстрелы.

Пройдя с километр, лесничий оказался на открытой местности – печальная картина предстала перед его глазами. Раненная лосиха лежала на опушке и тяжело всхрапывала. Чуть поодаль из-за деревьев выглядывала испуганная мордочка совсем маленького лосёнка, который и выстрелов испугался, и от мамки далеко убежать не решился. С другого конца к подстреленной сквозь кусты пробирались двое мужиков в зелёных ветровках с капюшонами.

– Что вы делаете, сволочи! – закричал на них Иволгин, – сезон охоты ещё не открыт, а вы уже подстрелили, тем более лосиху. Не видели что ли, что она с детёнышем?

– Мужик, проваливай своей дорогой, – огрызнулся один из браконьеров, который держал в руках двустволку.

– Так я как раз на своей дороге. Я – лесничий. А вы ступили на очень скользкий путь.

– Ничего, не поскользнёмся – до зимы ещё далеко. А тебе, хочешь, бабла отвалим за молчание, как будто тебя и не было здесь вообще?

– Стоять! – снимая карабин с плеча, крикнул Виктор Степанович.

– Слушай, лесник, будь ты человеком, – вступил в разговор второй браконьер, более плотный по комплекции и гораздо ниже своего подельника. – Мы эту лосиху десять километров выслеживали, а затем преследовали и тут ты... Откуда только взялся. Весь кайф ломаешь

– Положили оружие на землю и сами легли рядом, – беря мужиков в перекрест прицела, произнёс Виктор.

– Ну, вообще одурел, – всплеснул руками коротышка. – Ты, что американских детективов насмотрелся? Мы же с тобой по хорошему хотели.

– На землю! – резкий окрик лесничего заставил замолчать говорившего.

— Ну, как знаешь, как знаешь, — проговорил бугай с ружьём и аккуратно, медленно начал класть двустволку к ногам.

В это время кто-то сзади резко обхватил шею Иволгина, подняв его подбородок вверх, и нажал на горло чем-то острым.

— Не дёргайся, а то проткну, — прозвучало из-за спины.

Хватка оказалась мощной — словно железным обручем сдавило, так, что трудно стало дышать.

— Кидай вольту на землю и без глупостей.

Виктору ничего не оставалось, как опустить руки с карабином и разжать пальцы.

— Молодец! Держи его крепче! — крикнул коротышка. — Сейчас подойдём, поможем связать.

Браконьеры направились в их сторону.

В это время Виктор Степанович боковым зрением заметил, как шелохнулись кусты, хотя погода стояла тихая — ветра не было, листья не шевелились.

«Неужели их не трое, а четверо», — подумал лесничий, и в это время мелькнула тень, и он увидел летящую на них огромную лохматую массу с раскрытой пастью.

От мощного удара они повалились на землю, раздался душераздирающий крик и хватка ослабла. Виктор увидел браконьера с перекушенной рукой, валявшегося на траве и истекающего кровью и серую лохматую спину толи волка, толи собаки исчезающую в кустах. Лесничий начал подниматься, осматриваясь по сторонам, оценивая ситуацию.

Прогремел выстрел, срезавший ветку над самой головой мужчины. Он резко присел и как раз вовремя — вторая пуля вошла в берёзу в том месте, где он только что стоял. Иволгин кинулся к оружию, подобрал и приподнялся, чтобы отражать нападение, но этого не потребовалось.

Браконьер успел перезарядить ружьё, вскинуть его и всё. Из кустов выскочил волк, прокусил кисть и разодрал плечо.

Воющий громила рухнул наземь — двустволка отлетела в сторону.

Браконьера-коротышку нигде не было видно — видать, испугавшись — убежал.

Волк повертел головой, осматриваясь, затем развернувшись, глянул на Иволгина. Жёлтые глаза внимательно и напряжённо уткнулись в мужчину. Гипнотический взгляд жителя леса, словно хотел что-то сказать, о чём-то напомнить.

Виктор опустил карабин, а свободную левую руку наоборот поднял над головой и, помахав хищнику, крикнул:

— Я тебя узнал! Спасибо!

Это был тот самый волк, которого лесничий спас зимой, с неровным белым треугольником на лбу. Только теперь он оказался

повзрослевшим, выросшим, ставшим более крупным и сильным зверем.

Его умный взгляд как бы говорил: «Ты меня тогда спас – кормил, выхаживал, заботился. Я твою доброту не забыл, поэтому, сегодня тебе помог».

Волк открыл пасть, и Виктору Степановичу показалось, что тот улыбнулся.

«Нет, ерунда какая-то. Почудилось. Звери не умеют улыбаться».

А хищник развернулся и одним прыжком скрылся в кустах.

г. Тула